

Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. М.; Л., 1930.

Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гяляцкаго языка и фольклора // Известия Императорской Академии наук. 1900. № 4.

Источники

Нивхско-русский словарь, составленный С.А. Штернберг на основе словарной картотеки Л.Я. Штернберга // СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 331.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 69.

Д.В. Арзютов

Полевые программы Штернберга и Богоразы: от концепции поля к категоризации этничности¹

О Льве Яковлевиче Штернберге было сказано и написано много и подробно [Кан 2009]. Однако такая монументальная личность привлекает внимание по множеству причин, и одной из них является его совместно с Владимиром Германовичем Богоразом формулирование самой проблемы поля как основы этнографического исследования.

Именно в этой связи я хочу обратиться к формам концептуализации нашего знания в рамках полевых исследований. Моей задачей является проследить формы перехода от программы (или даже структуры) полевых исследований к описанию собственно локальных сообществ, а затем к своеобразной власти этой самой структуры над эвристическими поисками этнографов. Это взгляд сквозь призму рефлексивной антропологии. В качестве материала для рассуждений я привлек данные из известной мне этнографии Шории и Алтая.

¹ Работа выполнена при поддержке Wenner-Gren Foundation (USA), International Collaborative Research Grant, «The Concept Of The ‘Ethnos’ In Post-Soviet Russia: The Ethnogenesis of the Peoples of the North» (Prof. David G. Anderson and Dr. Dmitry V. Arzyutov). Хочу выразить признательность всем участникам конференции, посвященной 150-летию Л.Я. Штернберга, за ценные замечания, которые позволили уточнить и улучшить предлагаемую статью. Моя особая благодарность за комментарии профессору Сергею Кану (Dartmouth College, USA) и д.и.н. Александру Борисовичу Островскому (РЭМ, Санкт-Петербург).

Этнографические исследования Алтая складываются из трех основных генеалогических линий: 1) миссионерская (с 1830–1840-х годов), 2) путешествующая (середина XIX в.) и 3) собственно этнографическая (с 1920-х годов).

До начала XX в. собственно этнографии как научной дисциплины не было. Как особое направление науки она смогла появиться стараниями Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораза. Первыми профессионально подготовленными исследователями Горной Шории и Алтая в ту пору были этнографы: Надежда Петровна Дыренкова, Леонид Павлович Потапов, Лидия Эдуардовна Каруновская, Андрей Григорьевич Данилин и др. Все они были выпускниками этнографического отделения ЛГУ.

Каждый из этих учеников выезжал в поле: от нескольких месяцев до предпочтительного этнографического года (по формуле Богораза: лето — зима — лето). Подготовка к полю была внушительной: занятия по языкам народов Севера, естественным наукам и даже верховой езде, но что важно для настоящей статьи — это прочтение лекций по методике проведения этнографических исследований.

Программы по собиранию коллекций и записям различного рода материала по культуре и социальным отношениям народов Российской империи имеют довольно длинную историю, уходящую корнями в эпоху сибирских экспедиций XVIII в. Между тем представление программы по собиранию материала для формирования научного метода и собственно этнографии как научной дисциплины одним из первых предпринял Л.Я. Штернберг. Он не только имел этнографический опыт ссыльного народовольца на Сахалине (1889–1897 гг.), но и помогал Соломону Рапорту (Ан-скому) в разработке программы по еврейской этнографии [Кап 2009: 216].

Одной из первых программ Штернберга стала программа 1910-х годов [Штернберг 1914], которая предполагала кодификацию и упорядочивание полевого метода и материала в линневском духе. Объектом полевого исследования в этой программе было население, которое в соответствии с сословным делением Российской империи попадало в категорию «инородцы». В целом эта программа в том или ином виде продолжала программы РГО, в частности известную программу 1848 г., разосланную по всей стране в 7 тыс. экз.

Эти программы представляют интерес по многим обстоятельствам, но прежде всего — как взгляд государства на свое население. Анкетирование как способ сбора информации не являлся еще этнографией в полном смысле слова, здесь не было взаимодействия «лицом-к-лицу» исследователя и представителя той или иной культурной группы: контексты поля не были в достаточной степени определены.

Вынужденный полевой опыт Льва Яковлевича на Сахалине и Владимира Германовича на Чукотке не только открыл мир «полевой этнографии», но и заставил поставить вопрос о профессионализации их деятельности. Уже тогда им становилось понятно, что этнография — это дисциплина, которую делает профессиональный этнограф, знающий язык изучаемого народа, а поле должно иметь цель, задачи и метод.

Среди пре-концепций, которые определяли полевую работу студентов ЛГУ, отправляемых Штернбергом и Богоразом на Алтай, главными были три.

О первой вспоминала студентка тех лет и коллега по полевым исследованиям одной из самых талантливых учениц Штернберга и Богораза (Надежды Петровны Дыренковой) Иоанна Дмитриевна Старынкевич (Хлопина): «Загадкой было происхождение тюркоязычных народностей, населявших Сибирь. Он [Штернберг. — Д.А.] считал, что изучение шорцев, как наиболее примитивных тюрков, обитавших в почти непроходимой тайге, куда не добирались ни миссионеры, ни скупщики пушнины, сможет пролить свет на их появление в Западной Сибири с юга, а не с севера, как полагал В.Г. Богораз. Для сбора нужного ему материала летом 1927 г. он послал Н.П. Дыренкову и меня в Горную Шорию» [Хлопина 1992: 108].

В этой связи замечу, что при просмотре работ тех лет обращает на себя внимание дискуссия, которую начал В.Г. Богораз. Она затрагивала выдвинутую им идею праазиатов / протоазиатов как своеобразного очень раннего «пласта» в культуре большинства народов Сибири и Севера. Шорцам в этой связи отводилось особое место:

«В области южной Сибири я склонен причислять к тому же палеоазиатскому корню шорцев бывшего Кузнецкого района, ныне особого Шорского района, карагасов и, быть может, сойотов, живущих в Саянских горах. Шорцы, карагасы и сойоты, хотя и говорят

на турецких наречиях, но по культуре своей резко отличаются от турков. Карагасы, вероятно, являются древнейшими оленеводами, а шорцы до сих пор являются пешими охотниками, собирателями дикого меда, неохотно усваивающими турецкое скотоводство и русское земледелие» [Богораз 1927: 42].

Владимир Германович выступил с развернутым докладом «Paleoasiatic tribes of South Siberia» на Конгрессе американистов в Риме в 1926 г. [Bogoras 1926]. Конечно, концепция праазиатов была навеяна сотрудничеством с Боасом и участием в Джезуповской экспедиции и поисками историко-культурных связей азиатского северо-востока и Северной Америки. Между тем в этой концепции можно увидеть и некоторого рода влияние (во многом вынужденное) со стороны Марра и его пресловутой идеи яфетидов. Обоих ученых связывали довольно тесные коллегиальные отношения, а последний к этому времени обрел уже достаточно сильное влияние на всю гуманитарную науку [Slezkine 1996].

Второй идеей поля была мысль Богораза о том, что этнограф — это миссионер нового образа жизни. Это обстоятельство выражалось в самом активном участии этнографов в создании регионов, определении этнической принадлежности, что порой происходило не без участия их учителей. Так, В.Г. Богораз писал: «Остяками *следует называть* только угорских остяков, финскую или финнизированную народность. Енисейских остяков, не имеющих ничего общего с угорскими остяками. Но так как они, как будет указано ниже, резко отличаются от северных самоедов (юраков), для них *нужно было бы создать какое-то другое имя*» [Богораз-Тан 1928: 236; курсив мой. — Д.А].

Из студентов-алтаистов самое активное участие в судьбе, в частности, шорцев сыграла Н.П. Дыренкова, помогавшая в создании Горно-Шорского, или, как писали тогда, Горно-Шорцевского района. Она собирала сведения для Комитета Севера и направляла туда записки о границах будущей территории и возможности интеграции этого района в состав Ойротии (Алтая) [АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед.хр. 247. Л. 1–2].

Наконец, третьей идеей экспедиционных поездок были коллекции для МАЭ или для передачи в другие музеи мира, чем в то время активно занимались.

Вернемся, однако, к полевым программам. Их структура очень напоминает оглавление будущих работ по этнографии различных культурных и этнических групп: пища, промыслы, охота, оленеводство, средства передвижения, одежда и т.п. Подобного рода классификации сохраняются и далее. Структура эта, видимо, была продуктом коллективного творчества, в частности творчества Франца Боаса, стремившегося к схожим классификациям, привитым ему в Германии от школы Фридриха Ратцеля. В программе 1920-х годов, которую Богораз представит как курс лекций [СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 3, 4, 170], а его ученик С.А. Макарьев превратит в своеобразный учебник полевой этнографии [Макарьев 1928], детальность фиксации должна была быть поразительной. В самом тексте программы Штернберга и лекциях Богораз 1920-х годов удивительно много общих характеристик, которыми они стремились придать этнографии естественно-научный оттенок.

У Штернберга: «Наблюдайте этнографические явления с такой же тщательностью, всесторонностью и объективностью, как натуралист изучает явления и объекты природы» [Штернберг 1914: 212].

У Богораз: «Метод [полевой. — Д.А.] работы. Точность. Тщательность и индивидуальность наблюдений. Она старается приблизиться к методам естественных наук, и в этом ее основное родство с общими методами географического факультета» [Богораз 1927: 1].

Конечно, ни программы, ни идеи не были выполнены строго каждым учеником. Впрочем, Г.Н. Прокофьев, работавший среди остяк-самоедов (селькупов), представил статью «Proto-Asiatic Elements in Ostyak-Samoyed Culture» для журнала «American Anthropologist» [Prokofjew 1933], а впоследствии выступил с докладом, переключив искания Марра в области глоттогенеза на сибирское поле, где одним из первых употребил термин *этногония* [СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 169; Прокофьев 1940], который впоследствии будет заменен термином *этногенез*.

Таким образом, концепция поля сплеталась из трех основных линий: происхождение народов (в дальнейшем эта концепция сменит еще несколько названий: этногония — этногенетика — этногенез), вклад в собственно развитие национальной политики и собирание музейных коллекций.

Вместе с этим создаваемое поле, судя по первым сборникам этноотделения, должно было сформировать переход, который пролегал от «старого» к «новому» быту. Этнографы 20-х годов помещались в положение между этими двумя островами. Эпоха Штернберга и Богораза задавала эталонные описания «старого» быта, а молодым тогда этнографам нужно было сделать описание быта «нового».

При выраженном эволюционистском подходе работ Штернберга и Богораза и их первых учеников [Кап 2008] термин «традиция» / «традиционное общество» не играл еще столь ярко выраженной роли, которую он займет позже, а вместе с ним и представит классификатор описания как единственную возможную модель. Это начало происходить, очевидно, после совещания 1929 г., в котором Штернберг уже не участвовал (можно даже сказать, к счастью) и усилилось уже после Великой Отечественной войны. Строгость и однолинейность интерпретаций вместе с политическими изменениями в государстве потребует создания серии «Народы мира», где полевая программа Штернберга и Богораза превратится в модель описания. Удивительно и то, что их поиск по описанию современности превратится в модель описания традиционных («несовременных / до-современных») обществ, что можно проследить на примере работ по этнографии Шории и Алтая [Тошцакова 1978, Кимеев 1989, Функ 1993 и др.] и даже на примере оглавления томов из современной серии «Народы и культуры».

Со временем, с установлением поисков традиции и традиционного общества в противоположность объяснения современности изменилась и концепция поля. Этот процесс можно назвать своеобразным растягиванием времени Штернберга и Богораза (тем самым они просто пережили себя). Именно их полевые работы рассматривались как эталонные описания традиционного общества конца XIX — начала XX в., времени их полевой деятельности. Именно поэтому, сопоставляя программы полевых работ начала XX в. и современных (например, сделанных омской школой этнографии [Татауров и Томилов 2002]), мы обнаруживаем уточнения, дополнения и т.п., но не кардинальную ревизию или же пересмотр. Дискурс описания, созданный Штернбергом и Богоразом, из полевой программы пре-

вратился в парадигму и отличительный характер отечественной этнографической школы.

Библиография

Богораз В.Г. Древние переселения народов в северной Евразии и Америке // Сборник МАЭ. Т. VI. Л., 1927. С. 37–62.

Богораз-Тан В.Г. Новые данные к вопросу о прото-азиатах // Известия ЛГУ. Т.1. Л., 1928. С. 235–243.

Кимеев В.М. Шорцы, кто они? Историко-этнографические очерки. Кемерово, 1989.

Макарьев С.А. Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР. Л., 1928.

Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов) // СЭ. 1940. № 3. С. 67–76.

Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик: Учебно-методическое пособие / Отв. ред. С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов. Омск, 2002.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1978.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII — первой половине XX века: историко-этнографическое исследование / Мат-лы к сер. «Народы и культуры». Вып. XVII. М., 1993.

Хлопина И.Д. Горная Шория и шорцы // ЭО. 1992. № 1. С. 107–118.

Штернберг Л.Я. Краткая программа по этнографии // Сборник инструкций и программ для участников экскурсий в Сибирь. СПб., 1914. С. 212–251.

Bogoras W. Paleoasiatic tribes of south Siberia. In Estratto da Atti Del XXII Congresso Internazionale degli Americanisti. Roma. Settenbre 1926. Rome, 1926. P. 249–272.

Kan S. Evolutionism and Historical Particularism at the St. Petersburg Museum of Anthropology and Ethnography // Museum Anthropology. 2008. 31(1). P. 28–46.

Kan S. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. University of Nebraska Press, 2009. (Critical studies in the history of anthropology).

Prokofjew G. Proto-Asiatic Elements in Ostyak-Samoyed Culture // American Anthropologist, New Series. 1933. 35(1). P. 131–133

Slezkine Yu.N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // *Slavic Review*. 1996. 55(4). P. 826–862.

Источники

АМАЭ РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 247. — Записка об образовании Горно-Шорского района. Фрагмент. Автограф. 1925–1926 гг. 2 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 3. Богораз-Тан, В.Г. Работа этнографа в поле. Машинопись с авторскими поправками. 1927. 5 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 4. Богораз-Тан, В.Г. Методы полевой работы. Тезисы доклада. Рукопись и машинописный экземпляр. Без года. 7 л.

СПФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 170. Богораз-Тан, В.Г. Программа по полевой этнографии. Машинопись. 1925. 66 л.

СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 1. Ед. хр. 169. — Прокофьев, Г.Н. Самодийские языки и проблема происхождения современных народностей самодийской группы — ненцев, нгансанов, энцев и селькупов (Тезисы доклада на Отделении Общественных Наук АН СССР от Института Этнографии Академии Наук совместно с Институтом Языка и Мышления имени Н.Я. Марра). Машинопись. 1930-е. 6 л.

А.К. Салмин

Орел в этнографии чувашей

Тема орла в традиционных обрядах и верованиях, а также в фольклоре увлекала Льва Яковлевича многие годы. Так, в 1913 г. на заседании этнографического отдела РГО он сделал доклад под названием «Орел в сравнительном фольклоре». Доклад вызвал оживленный интерес и пространное обсуждение [Штернберг 1913: L–LIV]. В 1925 г. Л.Я. Штернберг опубликовал статью «Культе орла у сибирских народов (Этюд по сравнительному фольклору)» в Сборнике МАЭ [Штернберг 1925: 717–740]. Эта статья была воспроизведена в 1936 г. в его монографии «Первобытная религия в свете этнографии» [Штернберг 1936: 111–126].

Сам он относительно темы говорил, что работы в этом направлении крайне важны, однако к исследованиям подобного рода необходим осторожный подход. В частности, в статье об орле он писал: